

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

ПИЛИГРИМ. ПОРУБЕЖНИК

Константин Георгиевич Калбазов

Пилигрим. Порубежник

Серия «Пилигрим», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67241109

Пилигрим. Порубежник: Фантастический роман / Рис. на переплете

М.Поповского: Альфа-книга; Москва; 2022

ISBN 978-5-9922-3408-4

Аннотация

Все, что обещали умники из научно-исследовательского центра единого информационного поля Земли, сбылось. Реципиент в параллельном мире далекого прошлого погиб, но разум Михаила вернулся в прежнее тело. Тут прошло всего несколько дней, а там он успел прожить полноценные и плодотворные двадцать лет. Остаться в своем теле, прикованным к больничной койке? Вот уж спасибо. Лучше вернуться обратно. Нужно же проверить, что случилось с его начинаниями.

Н-да. Дела-то после себя он оставил в порядке. Да не все пошло так гладко, как хотелось бы. За прошедшие годы на Руси многое поменялось. Мономах укрепил свою власть и передал старшему сыну сильную и единую державу. Князь Петр, старший сын Михаила, был обвинен в измене и пал вместе с семьей и матерью при штурме града от руки переяславского князя

Ростислава. Душу переполняет жажда мести. Но как быть? Поддаться чувствам или возобладать над ними и спасти Русь от страшной усобицы?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Константин Калбазов

Пилигрим. Порубежник

Глава 1

Возвращение

Михаил принял клинок под углом, увел его в сторону и тут же контратаковал. Меч прошел по верхней кромке щита, срезав тонкую стружку железной окантовки и дубовую щепу. Казалось, острое едва дотянулось до шеи противника, но этого хватило, чтобы развалить ему глотку. Тот сразу же позабыл о драке, схватившись за разверстую рану, пытаясь сделать вдох и захлебываясь собственной кровью.

Очередную атаку Романов принял на щит. Положение оказалось неудобным, а потому не до изысков, и защита вышла жесткой. Несмотря на поддевку, наруч и кольчугу, обрушившийся на преграду удар болезненно отозвался в левой руке. Здоровый детина, что тут еще сказать.

Михаил контратаковал щитом. Противник принял ее на свой, и тут приплясывающие лошади их развели. Впрочем, Романова это не остановило. Мгновение, и меч повис на темляке, а пальцы схватились за рукоять метательного ножа. Из-за болтающегося на запястье клинка замах не очень-то по-

лучился. Но и половец был обряжен не в серьезный доспех, а всего лишь в кожу. Так что тонкое жало тяжелого граненого клинка без труда пробило защиту и впилося в тело. Убит или ранен, уже не важно. Этот не боец.

Воспользовавшись мгновением передышки, Михаил встал в стременах, пытаясь охватить всю картину в целом и оценить обстановку. И тут же в грудь ударила стрела. Ламеллярный доспех выдержал натиск бронебойного наконечника, рикошетируя от вороненой стальной пластины.

Зато самого Романова ощутимо толкнуло в грудь, да так, что он опустил в седло. Чтобы не упасть, пришлось натянуть повод. Верный конь встал на дыбы, и всадник едва не вывалился из седла, но сумел и сам удержаться, и с животным совладать.

Впрочем, нет худа без добра. Жеребец, отчаянно взбивая перед собой воздух, обрушил копыта на очередного степняка. Тот хоть и сумел прикрыться щитом, но вместе со своей лошастью повалился в ковыль, тем самым ненадолго обезопасив Михаила с этой стороны.

Как ни краток был миг, но Романов успел рассмотреть, что в седле оставалось только двое гвардейцев, сражавшихся в полном окружении. Как и то, что они тщетно рвутся к нему, но силы слишком неравные.

Рубящий удар сзади. Сталь выдержала очередной натиск. Жесткий доспех распределил его по большой площади так, что Михаил ощутил лишь сильный толчок. Потянул повод

влево, и все еще вздыбившийся жеребец развернулся на задних ногах. Ладонь опять сжимает оплетенную кожей рукоять меча. Романов замахнулся и одновременно с опускающимся на передние ноги конем нанес сокрушительный рубящий удар. Попытка половца защититься щитом оказалась тщетной, и клинок впился в основание шеи кочевника.

И опять удар в спину, теперь колющий. Но и он не достиг цели. Острие изогнутого меча степняка беспомощно скользнуло по вороненым пластинам. В следующий раз Михаила достали в наборную бармицу. Защита выдержала и шея не пострадала. Но на этот раз перед глазами поплыли разноцветные круги. И опять стрела! Доспех все же не выстоял, и грудь Романова будто взорвалась огнем.

Он замер, охваченный острой болью, не в состоянии вздохнуть. Мгновение, и ему удалось отключить нервные окончания. За это придется заплатить подвижностью. Но какая это ерунда в сравнении с тем, что пробито легкое, и движение доспеха раскачивает древко, а как следствие, и бердящий рану наконечник. Ну и еще немаловажная деталь: никто не даст ему возможности перевести дух.

Очередной удар. И вновь доспех выдержал. Однако сам Романов удержаться в седле уже не смог, завалившись набок и упав под ноги своего коня. Следом прилетел клинок, острие которого проникло в узкую щель между доспехом и бармицей. Михаил отчетливо услышал, как с противным чавканьем развалилась его глотка. Он и без того с трудом за-

пихивал воздух во все еще целое и не забитое кровью легкое. А тут еще и это.

Стремительная потеря крови. Удушье. Да, он отключил болевые ощущения, но ничего не мог поделаться с кислородным голоданием. Его сознание поплыло, и наконец он провалился в полную темноту.

– Ну и как наш герой? Пришел в себя? – ввалившись в палату, с порога поинтересовался Щербаков.

– Пока нет, Макар Ефимович, – ответил реаниматолог, и не подумав возмущаться по поводу столь бесцеремонного вторжения.

– А в чем проблема? Вы же больше не вводите ему препараты, – удивился глава проекта.

– Не вводим, но организм сначала должен вывести то, что уже в него закачано. Или же... – Врач развел руками.

– Давайте без загадок, – нервно дернул щекой Щербаков.

– Если его душа, личность, или, как вы говорите, матрица сознания не вернется в тело, то искусственная кома перейдет в обычную.

– Хм.

– Что показывает ваша аппаратура? – поинтересовался врач.

– Связь потеряна, – с досадой произнес Щербаков.

– Похоже, имеет место повторение прошлых неудач. Будем отключать?

– Н-нет. Подождем несколько дней. Все же восемьдесят семь процентов совместимости. Ждем.

– И сколько будем ждать?

– Сегодняшний наш бюджет позволяет продержать его в коме без какого-либо ущерба хоть целый год. Благодаря ему у нас столько материалов, что мы и без того завалены работой по самую маковку.

– Значит, до упора?

– Именно.

О том, что за прочих кандидатов Макар Ефимович так не держался, врач вспоминать не стал. Да и стоило ли, коль скоро он сам же отключал их от аппарата ИВЛ. Грязная работа. Н-но, как говорится, кто-то должен ее делать. Хотя, конечно, если бы правозащитники узнали о том, как именно проходят эти эксперименты... Впрочем, на мышках и собачках тут ничего не получится. Необходим именно человеческий разум. Во всяком случае, иной путь им неизвестен. Да и этот стал доступен благодаря невероятному стечению обстоятельств.

– Ну и как наш подопечный? – входя в кабинет руководителя проекта, поинтересовался Кравцов.

Макар Ефимович поднял взгляд на майора ФСБ и молча развел руками.

– И каков прогноз у врачей? – не унимался фээсбэшник.

– У врачей диагноз. Искусственная кома перешла в обычную.

– Точно?

– Крайний срок действия препаратов истек четыре часа назад. Так что точнее и быть не может.

– Вы бы не спешили его отключать. Все же восемьдесят семь процентов...

– Сережа, вы что же, вздумали меня учить?! – вспыхнул Щербаков.

Он вскочил с места и, налившись краской гнева, устоял на фээсбэшника, едва не пуская из ноздрей пар. Офицер выставил перед собой руки в примирительном жесте. Но при этом и не подумал тушеваться или потакать светочу современной науки. Наоборот, осуждающе покачал головой. Наконец физик взял себя в руки, прошелся туда-сюда по комнате и рухнул в жалобно скрипнувшее кресло.

– Ничего. У нас уйма материалов для работы. И вообще, мы не сидим сложа руки. Щупаем и сканируем ЕИПЗ. На сколько это возможно. У нас есть маркер матрицы сознания Романова. Конечно, это даже не иголка в стоге сена. Но ищущий да обрящет.

– То есть его не отключили?

– Мне казалось, что теперь мы можем себе это позволить.

– Без сомнения. Хоть целый год. Хоть два. Если только нам будет что представить руководству.

– На этот счет не переживайте. Материалов столько, что впору просить о расширении штата. Только я не об историках.

– Разумеется. Изложите ваши соображения, я все выйду.

– Даже не попытайтесь, а именно выбьете, – хмыкнул Щербаков.

– Если вам удастся вернуть Романова, то наше финансирование увеличится на порядок.

– Кстати, ваши коллеги могли бы особо расщедриться за сыворотку правды из подручных материалов.

– Не дождетесь.

– Ага. Но сведения эти вы поспешили засекретить.

– А вы к-как думали. Не хватало еще выпускать такую штуку в свободный доступ. А то мало у нас мошенники народ разводят. Нужно им срочно помочь.

– Кстати, Сережа, можно сделать так, чтобы Кудрявцев не узнал о том, что наш пилигрим... Ну, понятно в общем.

– Разумеется, Макар Ефимович. Если он узнает, то наверняка об этом станет известно и моему непосредственному начальнику. А это нам не нужно.

– Вот именно. Тем более что у начальства есть дурная привычка стоять над душой и поторапливать. А у Анатолия Петровича и без того материала выше крыши, – произнес Щербаков.

– Кстати, а что там, собственно говоря, произошло?

– Романов с охраной возвращался из Рудного в Пограничный, и на них напали половцы. Что, как, почему и как такое возможно – без понятия, – развел руками Щербаков.

– Н-да. Не повезло. Впрочем... Вы же говорили, что у вас материала с избытком. А значит, и вариант с возвратом по-

пробовать не мешало бы. Это ведь даст новый толчок вашим исследованиям?

– Несомненно. Только настолько все вилами по воде, что лучше бы он там еще побарахтался лет эдак сто. А там, глядишь, мы и нового кандидата подобрали бы.

– Вообще-то вариант с безвозвратными потерями руководство не больно-то и устраивает. Мало того, мне выразили мнение, что не помешало бы иметь возможность отправлять в подобные путешествия людей с более скромными показателями совместимости. Вы ведь говорили, что подобное возможно?

– Я уверен в этом. Но на начальном этапе необходимо работать с материалом, имеющим максимальные показатели. И так до тех пор, пока мы не поймем механизм, а не будем двигаться на ощупь.

В себя он пришел как-то буднично. Просто открыл глаза. Единственное, болезненно резанул свет. Хотя он и был уверен в том, что это всего лишь дежурное освещение. Но после того непроглядного мрака, в котором он провел... Хм. А ведь не так уж и много времени. Все случилось словно только что.

Михаил попытался поднять руку, чтобы ощупать шею. К тому же ее саднит так, что спасу нет. Как будто ему в глотку вбили кол. И он, гад такой, еще и дышать мешает. Вообще ощущения далеки от благостных. И уж тем более на фоне того, что рука отказалась ему подчиняться.

Да еще этот заунывный звук тревожного зуммера! Вот на хрена его выводить в палату?! Эдак больной со страху обратно в кому впадет. С ним-то все понятно. Он понимает, что был в искусственной и это всего лишь необходимый процесс исследования. Только понять бы, что у него с горлом.

Попытался по привычке отключить тактильные ощущения. Ага. Размечтался. Тут вам не там. Дискомфорт, общая слабость, невозможность пошевелиться и тревожный зуммер – все это действовало на него столь угнетающе, что и до паники недалеко. Но он все же взял себя в руки.

Дверь распахнулась, и в палату вбежал врач в сопровождении сестры. Тут же вспыхнул яркий свет. Михаил зажмурился, почувствовав, как из уголков глаз потекли слезы. Впрочем, свет досаждал и через закрытые веки.

– Настя, выключите освещение. Мне достаточно и дежурного, – сообразил врач.

Ну вот. Совсем другое дело. Романов вновь открыл глаза и несколько раз моргнул, сгоняя слезы.

– Закройте глаза, – попросила медсестра, вооружившаяся какой-то тряпицей.

Он выполнил ее просьбу и почувствовал, как ткань коснулась век. Опять открыл. Ага. Так гораздо лучше.

– Михаил Федорович, вы можете дышать самостоятельно? Моргните, если да. Ага. Тогда мы сейчас извлечем дыхательную трубку. Будет немного неприятно. Готовы? Вот и ладушки.

Н-да. Помнится, ему как-то делали гастроскопию, но то, что он чувствовал сейчас, не шло ни в какое сравнение. Трубка вроде и небольшого диаметра, но это ощущение присутствия в трахее инородного предмета не проходило в течение нескольких часов.

Едва врач закончил над ним колдовать, как в палате появились руководитель проекта Щербаков и фээсбэшник Кравцов. Последний ограничился тем, что поприветствовал, поздравив с возвращением. Зато профессор засыпал вопросами. И пожалуй, тех оказалось бы куда как больше, если бы руководителя проекта не прогнал прочь врач.

Двенадцать дней в коме для него не прошли даром. Уже наутро у него поднялась температура. Пневмония – довольно частое явление у больных, прошедших через ИВЛ. И сия чаша его не миновала. Два дня к нему никого не пускали, но потом его самочувствие улучшилось, и визиты Щербакова стали регулярными.

По поводу нападения Романов толком так ничего и не понял. Половцы выскочили как чертик из табакерки. Возможно, какой-нибудь курень отправился в набег. И отряд в полсотни человек в отменных доспехах им показался вполне достойным объектом для атаки. Хотя и заплатить за победу пришлось дорогую цену. Да и вообще, нападать на дороге между Рудным и Пограничным... Что-то не больно похоже на простой набег.

Щербаков знал еще меньше, так как мог наблюдать за про-

исходящим лишь глазами самого Михаила. Ориентироваться же в окружающей обстановке, наблюдая ее со стороны, куда сложнее, чем при непосредственном участии в событиях.

– Макар Ефимович, а можно мне встретиться с моими? – поинтересовался Михаил в первый же день его посещения.

– Пока нет, – возразил руководитель проекта. – Вы на себя в зеркало посмотрите. Краше в гроб кладут.

– Бойтесь скандала вокруг проекта?

– Да бросьте. Я уже говорил о сонме идиотов в интернете. Просто не желаю лишний раз расстраивать вашу жену. Две недели не видела супруга, передала на наше попечение если не здорового, то в более приличном состоянии, а тут такое чудо. Так что подлечим вас, а через недельку разрешим навестить. Причем свидания сделаем частыми, пока не начнется новый виток «экспериментальной терапии».

– Погодите. Так это что же получается, там пройдет...

– Через неделю-то? Чуть больше двадцати восьми лет, – произвел быстрый подсчет Щербаков.

– Ч-черт! Там столько всего недоделанного. Мономаху нужна моя помощь. Отправляйте меня обратно! – всполошился Романов.

Вот странное дело. Вроде бы там он прожил полноценной жизнью двадцать два года, которые для его сознания были более чем реальными даже сейчас. Но здесь он словно расстался со своей семьей всего лишь пару дней назад, а потому и соскучиться-то по ним не успел. Вот такие странные вы-

верты сознания.

– Спокойно, Михаил Федорович. Спокойно. Куда вы собрались? Вот подлечим вас, приведем в божеский вид, а тогда уж и зашлем.

– Кого подлечите? Меня? Вам напомнить мой диагноз? – хмыкнул Романов.

– Это не повод не обращать внимания на пневмонию. Уж ее-то вылечить мы можем. Если же отправим вас в кому в таком состоянии, то уже точно не вынем обратно. Умирать или жить – это, конечно, ваше личное дело, но вы нам дороги как уникальный инструмент для работы с ЕИПЗ.

– Довольно цинично, – покачал головой Михаил.

– А по-другому вы не поймете. И потом, не так ли вы жили последние двадцать лет?

– Там пройдет слишком много времени. Бог с ним, с прогрессом. Положение Мономаха все еще шаткое. Реформы могут и забуксовать. Если не удастся выстроить сильную вертикаль власти, все пойдет прахом. Его сын не та личность, которая сможет потянуть подобный воз.

– Это не повод подвергать вас смертельному риску.

– Это живые люди. И их ожидает нашествие Батые. Вы представляете себе последствия? А я могу попытаться это предотвратить. Если на пути монголов встанет единая Русь, то они сломают о нее зубы. И дело вовсе не в продвинутом оружии.

– Я понимаю. И именно объединению Руси вы посвяти-

ли последние годы. Но вы ничего не сможете поделать, если умрете.

Ну что тут сказать. Прав Щербаков. Тысячу раз прав. Но как же не хочется терять время!

– Посмотрите на это под другим углом, – продолжил Макар Ефимович. – У вас появится возможность взглянуть на дело рук своих со стороны, понять, что вы сделали правильно, а где ошиблись. Использовать время в родном мире с толком, чтобы восполнить пробелы в ваших знаниях. Металлургия, механика, паровые машины, с которыми у вас было столько сложностей. Наконец, как изготовить на коленке порох, о невозможности создания которого вы столько жалели, что даже неоднократно проговаривали вслух.

– Только для того, чтобы получить возможность на что-либо повлиять, мне понадобятся годы. Потому что неизвестно, в кого меня угораздит вселиться.

– Согласен. И тем не менее главное – это ваше здоровье. Без него вообще ничего не получится, – развел руками Щербаков.

– Да понял уже, – вздохнул Романов и зашелся выворачивающим кашлем.

На этот раз приступ оказался долгим. Но в конце концов его отпустило, и он откинулся на подушку, жадно ловя воздух и вытирая слезы. Макар Ефимович терпеливо ожидал, когда приступ отступит. Ну и глянул на него так, словно хотел сказать, мол, о каком путешествии может быть речь.

Прав он. Но тут ведь какое дело. Там у него осталась семья. Жена, дети. Старшему, Петру, только восемнадцать. Мальчишка, без жизненного опыта. Остальным и того меньше. Конечно, он верил в то, что обеспечил им поддержку и опору в виде Бориса, главного безопасника. Малый и Большой советы. Да и пограничники к его детям со всей любовью. Но все же.

– Макар Ефимович, а отчего я в коме пробыл двенадцать дней? Я тут посчитал, должно быть не больше девяти.

– Правильно посчитали. Матрица вашего сознания блуждала трое суток где-то в ЕИПЗ.

– То есть она могла и вовсе заблудиться и не вернуться? – сделал неутешительный ввод Михаил.

– Только в том случае, если бы мы вас отключили от аппарата. Надеюсь, вы понимаете, что мы и не думали поступить подобным образом.

– Вам это попросту невыгодно, – улыбнувшись, заметил Романов.

– И это тоже, – не стал его разочаровывать Щербаков. – Ладно. На сегодня, пожалуй, хватит. Поправляйтесь. Я навещу вас завтра. И не только я.

– Вы же сказали, что семье еще рано.

– Семье – да. Но дело в том, что нам придали группу ученых-историков. Предупреждаю сразу, весьма своеобразные личности. И вы им не нравитесь.

– Отчего же?

– Слышали выражение – слон в посудной лавке?

– Станный вопрос.

– Во-от. К вам это относится в полной мере. Вы там такого наворотили, что они себе чуть все волосы не повыдирали.

– Бывает, – хмыкнул Михаил.

– Согласен. Это ведь другой мир. И пусть он во многом идентичен нашему, он живет своей жизнью и развивается своим путем. Пойду.

Михаил думал, что дни для него будут тянуться медленно и нудно. Однако действительность оказалась иной. С историками скучать не приходилось. Настырные все такие. Въедливые. Да с претензиями. А главное, начали дружно его поучать, как ему бережно и ненавязчиво проводить исследовательскую работу.

Романов слушал их менторский тон, едва сдерживаясь, чтобы не послать. Но когда они заявили, что, мол, в прежнем мире он уже напортачил, а потому в следующий раз его отправят в другой, Михаил взорвался. Послал их открытым текстом, да еще и пинка выписал, пусть и не профессору, а его помощнику.

Затребовал к себе Щербакова и заявил, что если тот посмеет отправить его в другой мир, то он там сразу же покончит самоубийством. И будет продолжать это раз за разом, пока Романова не отправят в его мир.

Макар Ефимович выслушал эти требования совершенно спокойно, пожал плечами и заявил, что историки пусть ду-

мают что хотят. Проектом руководит он, и решение за ним. После чего как ни в чем не бывало вернулся к вопросам, относящимся к его епархии, что полностью успокоило Михаила.

От встреч с ним историки не отказались, хотя и поумерили свой пыл. Ведь одно дело – сведения, почерпнутые из аудио- и видеоматериалов. И совсем иное – непосредственный свидетель и участник событий седой древности.

Помимо этого Романов проводил много времени в интернете, выискивая технологии, которые ему могли бы понадобиться там. Его интересовало как оружие, так и металлургия, обрабатывающие станки. Да много чего. Прямо глаза разбегались. И это при том, что, еще будучи там, он пришел к выводу, что кое-что из введенного им преждевременно.

Взять паровую машину. Ну вот куда ее при тамошнем уровне общего развития и образования в частности. Агрегат ломался часто и густо. Из него лезли различные, так сказать, детские болезни, и они с Леонидом не могли довести его до ума ввиду недостатка знаний. Уже здесь, прошерстив тему паровиков, он понял, что эти машины только кажутся простыми. На деле же там хватает нюансов.

Поэтому внедрять это открытие дальше Михаил не стал. Разве только старались поддерживать в рабочем состоянии ту громоздкую машину, построенную в Рудном. Просто потому, что ставить плотину на Псёле – та еще задачка, а конная тяга уже не удовлетворяла возросшим потребностям.

Так что за три года, прошедшие после ее создания, они в этом направлении больше не продвинулись. Лишь самую малость получилось исправить кое-что, на интуитивном уровне, или методом проб и ошибок. Никакой теоретической базы, никаких расчетов. Ни-че-го. Одна только голая практика.

Но кадры они все же готовили. Чему в большой степени способствовал университет, где был открыт механический факультет. Именно этим студентам предстояло набивать шишки, набираться практического опыта и создавать научную базу. А в будущем начать совершенствовать машины.

К слову, Романову не понравились метаморфозы с памятью. Он-то в наивности своей полагал, что суперпамять теперь с ним навсегда. А на деле оказалось вовсе не так. Хорошо хоть привычка систематизировать информацию и раскладывать ее по полочкам дала свои результаты. Запоминать он стал намного лучше.

А еще он решил включить в процесс зрительную память, для чего обзавелся тетрадкой и ручкой, дабы конспектировать свои изыскания. Как выяснилось, от его способностей в черчении и рисовании ничегошеньки не осталось. Да и писал он по-прежнему как курица лапой. Даже неловко стало. Впрочем, чистописанием он заниматься не собирался.

Кроме того, Михаил просмотрел большое количество видеороликов на интересующие его темы. Спасибо одному интересному сайту, где обнаружился целый ряд обучающих ро-

ликов и фильмов. К слову, вел его любитель книг о попаданцах, прогрессорствующих в прошлом. И материал подбирался именно в этом ключе. Причем в немалой своей части еще советских времен. Хотя были и современные, анимационные, как подозревал Михаил, снятые энтузиастами-любителями. Ну вот была у них в этом потребность.

Встреча с семьей прошла как-то буднично. Конечно, жена сетовала, что он выглядит несколько болезненно. Но потом, вытирая платочком уголки глаз, призналась, что ожидала худшего. К слову, за прошедший месяц их сосед сгорел на глазах. С виду был абсолютно здоровым, а потом болячка навалилась на него. На его фоне Михаил был просто молодцом.

В семье все было в порядке. Выплаты от государства за участие в экспериментальной программе поступают без задержек. Его строительная бригада трудится как отлаженный часовой механизм. И все ждут возвращения Михаила. Он пообещал, что как только, так сразу. Хотя сам при этом уже изнывал от нетерпения. Очень уж хотелось вернуться в тот жестокий, но по-своему честный и полюбившийся ему мир.

Глава 2

Второе пришествие

Ох, йо-о-о!!! Он уже успел позабыть, каково это – приходить в себя в новом мире. Едва открыл глаза и осознал себя, как тут же навалилась дичайшая головная боль. В принципе он уже умел справляться с подобной напастью, но ничего не мог поделать с рефлексам тела.

Михаил едва успел перевернуться на бок, как начал исторгать из себя содержимое желудка. Сотрясение головного мозга – штука неприятная и чреватая опасностями. К примеру, прежний обладатель пережил клиническую смерть. Вернее, не пережил, иначе матрица сознания Михаила в этом теле не обосновалась бы.

Когда перестало выворачивать наизнанку, малость полегчало. Время от времени позывы еще случались, но не сильные, а потому удавалось с ними управиться. А может, причина в том, что в желудке не осталось даже желчи. Выполоскало все без остатка. Поэтому как ни хотелось пить, а к журчащему неподалеку ручью он не пополз.

Вместо этого привалился к березе и, прикрыв глаза, начал раскладывать по полочкам воспоминания реципиента. Сначала большими блоками, так, лишь бы навести мало-мальский порядок. Это должно помочь избавиться от головокру-

жения из-за безудержного потока информации, полившего-ся из самых потаенных уголков памяти.

Наконец вчера удалось все привести в порядок, и самочувствие несколько улучшилось. С удовольствием отметил, что его прежняя память пребывает в полном порядке. Наугад извлек из ее недр момент схватки с турком у неприметной крепостцы в Малой Азии, сумев при этом рассмотреть мелкую букашку, примостившуюся на его чалме. За этот эксперимент пришлось заплатить головокружением. Не отключи он нервные окончания, и наверняка прилетел бы еще и приступ боли. Не в том он сейчас состоянии, чтобы безнаказанно копаться в своей голове.

Прикинул, кем был реципиент и что он тут делал. Получается, холоп владыки¹ Милоша Крупа. Ехал с ярмарки из Тарнува, довольно большого поселения, что стоит на торговом тракте, ведущем в Киев. Купцы нередко останавливаются там на несколько дней, чтобы привести в порядок лошадей и повозки. Ну и заодно выкладывают свой товар. Так что место бойкое круглый год, кроме осенней и весенней распутицы.

Оно конечно, Лешек Марек холоп, но господин его очень даже ценит, привечает, выделяет среди других и доверяет. Вот и в этот раз отправил на ярмарку с повозкой зерна, дабы сбыть его, а на вырученные средства купить отрез доброго

---

¹ **Владыка** – так назывались польские рыцари-землевладельцы в начале 12 в. –
Здесь и далее примеч. авт.

сукна. Что холоп и исполнил.

Но на обратном пути на него кто-то напал. Приложил по голове и бросил в кустах, обобрав до нитки. Только крестик нательный на бечевке и оставили. Да и то лишь потому, что тот был вырезан из дерева. Не позарились. Н-да. Сволочи. Хоть бы исподнее оставили. Немногие могут похвастать им, но семья Лешека хоть и холопы, но не голоштаные.

Впрочем, хватит уже об этом. Был холоп, да весь вышел. Теперь звать его Михаил. Хм. От акцента не избавиться. Мужик взрослый, тридцать один год. Не шутка. Голосовые связки давно уж потеряли эластичность. Так что польское происхождение не скрыть. Ну и ладно. Значит, будет Михайлой. Ну а фамилию можно и прежнюю оставить. Да и не фамилия это, а скорее отчество. Сыновья его, например, прозываются не Мареками, а Лешеками. По отцу, значит. Да и не опасается он того, что его искать станут. Даже если и найдут. Тут других забот полон рот.

Но все это потом. Сейчас же нужно поспать. В принципе по ощущениям он вполне может начать действовать прямо сейчас. Главное, с рвотным рефлексом справиться удалось. Боль же легко блокируется. Но к чему насиловать себя, если можно отдохнуть. По прошлому опыту помнит, что сон – это первое дело для окончательного восстановления реципиента. Опять же память сама собой разложится по полочкам. Еще бы и прикрыться чем... Но с этим он как-нибудь разберется. Благо середина лета и деньки стоят погожие.

Проснулся под пение птиц и урчание живота, требовавшего пищу. Поднял взгляд вверх, тут же зажмурившись от пробившегося сквозь листву солнечного луча. Похоже, настало утро следующего дня. Поправочка: позднее утро. Что-то он совсем расслабился. Поди, не в первый раз в подобной ситуации. Впрочем, только во второй. Не столь уж и великий опыт.

Поднялся на ноги и тут же ощутил легкий дискомфорт. Ага. Знакомо. Придется по новой учиться владеть руками и ногами, благо процесс обучения недолгий. Только и того, что приноровиться к новому телу. Но благодаря суперпамяти он с этим быстренько управится.

Первым делом добрался до ручья и вволю напился. Голод, конечно, не унять, но на какое-то время желудок это обманет. А там нужно что-нибудь придумать, в лесу сейчас наверняка полным-полно всевозможных ягод.

Пока желудок прекратил бунтовать, провел краткую ревизию своей памяти по основным вопросам. Так себе познания у реципиента. Год одна тысяча сто тридцать первый от Рождества Христова. Хоть дату знает. Хотя-а-а... В церкви бывает регулярно. Ксендз у них строгий и требовательный. Эдак взглянешь на него, мнит из себя никак не меньше епископа.

Слышал еще, что киевский князь Владимир несколько лет назад преставился, а на его место сел сын Мстислав. Выходит, получилось у Мономаха посадить преемника на трон.

Хотя-а-а... Он всего лишь первый сын великого князя, наследовавший отцу. А вот если вслед за ним там сядет Всеволод, тогда уже можно будет говорить о начале династической преемственности.

Еще о Руси Лешек мог сказать, что оттуда везут знатное сукно. Как раз такое он и купил для господина, когда его ограбили. Войлок, из которого тачают зимние сапоги на кожаной подошве. Воды такая обувь боится, зато в снег лучше и не надо. Ну и слышал о князе Ростиславе, вроде как дядьке Мстислава. Он лет десять назад приходил с войском в Польшу, чтобы помочь их великому князю Болеславу против германцев.

Похоже, брат Мономаха, который в мире Михаила погиб совсем молодым, в этом приобрел серьезное влияние, коль скоро о нем знает даже вот этот холоп. Знать бы еще, к добру ли это. Впрочем, проблемы нужно решать по мере их поступления. И князь переяславский сейчас таковой не является. Романов тут, на секундочку, стоит в чем мать родила, с одним лишь нательным крестиком.

Мелькнула было мысль вернуться домой, обзавестись вещичками, каким-никаким имуществом, после чего двигать на Русь. Ну вот нечего ему делать в Польше. Позаботиться о семье реципиента? А кто они Михаилу? Кормильца они потеряли, и вина за это не на Романове, а на грабителях. Если бы его сознание не вселилось в это тело, то нашли бы в лесу только холодный труп. А могли и не найти.

Опять же хозяин его, владыка Милош Крупа. Вот наплевать ему как-то на то, что его холопа ограбили. Лешеку хозяйское добро доверили, а он его пролюбил. Мало того что сукно пропало, так ведь и конь с телегой утрачены. Выпорют. Однозначно. И жестко. Чтобы другим неповадно было. Сам погибай, а имущество господское сбереги!

Да пошло оно все. Разберется с одеждой. Придумает что-нибудь. А пока и так нормально. И о семье позаботится. После. Для очистки, так сказать, совести. Как встанет на ноги, изыщет возможность помочь им. Пока же пусть обходятся без его поддержки. Благо старшему сыну уже четырнадцать, младшему тринадцать. Работники! Здесь взрослеют быстро.

Сейчас же в приоритете еда, безопасная стоянка и огонь. Вот именно в такой последовательности и нужно решать проблемы. Причем сидеть ему на одном месте придется долго. Есть в этом серьезная потребность.

Н-да. И быть ему все это время нагишом. Ладно. Придумает что-нибудь. Повязку там набедренную сообразит. Так себе мера, но на первое время сгодится. Да, еще бы неплохо какое-нибудь подобие оружия. Хоть дубинку. Тут ведь и волки водятся, и медведи очень даже не приветствуют появление в малинниках всяких-разных конкурентов.

Малинник он нашел. И, по счастью, обошлось без соседей. Хотя и обзавелся увесистой дубиной. Но с таким оружием против мишки – так себе затея. Только от полного отчаяния и безысходности. Лешек, конечно, не худосочный ботан,

но и не богатырь былинный. Не сказать, что полностью насытился. Ягода, она и есть ягода. Но хоть на какое-то время желудок вновь удалось обмануть.

Покинув малинник, вскоре вышел к небольшой речушке и решил обосноваться на ее берегу. Из ивовых прутьев довольно быстро соорудил две морды, установив их в потоке. Такой способ ловли быстрым не назовешь, но другой ему сейчас недоступен. К моменту окончания работы успел снова изрядно проголодаться.

Неподалеку обнаружился орешник. Плоды еще не вызрели. Скорлупа зеленая, ядра мягкие, сытости в них немного. Но тут не до жиру. А еще от их незрелости не случится маяты животом, что уже ой как немало.

После этого приступил к добыче огня. В прошлый раз у него имелся нож, теперь же только голые руки. Впрочем, нашелся камень с довольно острым сколом. Пришлось помучиться, но в итоге у него все же получилось. К вечеру на полянке уже горел костер, а сам он, проверив морды и найдя их пустыми, вновь отправился к орешнику.

Ночь прошла тихо. Хотя комфортной ее назвать язык не поворачивался, несмотря на всю неприхотливость организма Лешака. Спать нагишом, только в набедренной повязке из лыка, на подстилке из травы и травой же укрываясь, то еще удовольствие. Словом, весело ему пришлось бы, если бы он не умел притуплять тактильные ощущения.

Наутро в его распоряжении оказалось сразу три больших

рыбины. После завтрака засел за изготовление пращи. Не сказать, что он ее применял сплошь и рядом, но все же имел опыт, и в результате недолгой тренировки вполне сносно наловчился пользоваться этим оружием. Настолько, что вскоре сумел добыть глухаря. Да здорового такого.

Решив продовольственный вопрос, как на текущий момент, так и на перспективу, Михаил наконец подступился к насущным делам, не терпящим отлагательства. Правда, и тут пришлось потрудиться, сооружая из веток основание для глиняной таблички. Ну вот не было у него в настоящий момент иных писчих принадлежностей. Заточенная щепка, да периодически выглаживаемая глиняная поверхность.

Работа с памятью его реального мозга имела целый ряд сложностей. То есть он мог вспомнить ровно столько, сколько смог запомнить. Извлечь информацию и обработать ее мысленно, разложив по полочкам, было в разы сложнее, чем оперировать сведениями, почерпнутыми уже здесь.

Памятью реципиентов он мог пользоваться походя, причем за обе личности. Без труда извлечь из потаенных уголков что угодно. Когда-то для него это составляло определенные сложности, но за долгие годы Романов приобрел в этом изрядный опыт. Ну и немаловажно, что ему было достаточно бросить мимолетный взгляд на страницу, чтобы запомнить ее на всю жизнь. Изучить же можно было и позже. К слову, и с усвоением материала он серьезно ускорился. Не компьютер, конечно, но все же.

С его собственной памятью дела обстояли куда сложнее, но процесс был более или менее отработан. Даром, что ли, в прежней жизни он часами черкал на восковых табличках. Вот и теперь пошел тем же путем. Разве только информация была достаточно свежа, а потому дело спорилось, в чем серьезно помогала зрительная память. Чего не сказать о мышечной. Она осталась в родном мире.

Все же Михаил поднаторел в деле запоминания. Как-то он подумал было начать изучать английский. Удобно при поездках за границу. Что ни говори, а международный язык общения. Вообще-то воз и ныне там. Но, интересуясь вопросом, он просмотрел несколько роликов с методиками пополнения словарного запаса. Там делался упор на ассоциативное запоминание, и это работало. Он до сих пор помнил с полсотни английских слов.

Так вот, Михаил придерживался своего способа, основанного на его суперпамяти в этом мире. Раскладывал все по полочкам, отводя каждой информации свой уголок. В общем и целом это работало. Может, не так хорошо, как у наставников с ютуба, и уж точно на порядки хуже, чем здесь. Однако если не ловить мух и в сжатые сроки проработать почерпнутые сведения, то все получится.

К тому же, подбирая материалы, Романов делал ставку не только на прочтение и конспектирование. По всем изученным им материалам он непременно еще и просматривал видеоролики. То есть вовлекал в дело зрительную и слуховую

память. Как результат, запомнить удалось многое. Оставалось только извлечь все это, чтобы уже намертво впечатать на «жесткий диск» ЕИПЗ.

Уже на следующий день он начал придерживаться определенного распорядка дня. Сразу после подъема пробежка, потом тренировка. Тело реципиента жилистое и сильное, но Михаилу ведь не в поле пахать от зари до зари и не по хозяйству трудиться. Придется использовать иные группы мышц. К примеру, бег для крестьянина был сущим наказанием и адскими мучениями. Вроде и не знает пока Европа табака, но в первый же день едва легкие не выплюнул.

Хорошо хоть мог издеваться над организмом, отключая боль, усталость, жжение в груди. Правда, с таким явлением, как судорога, ничего поделаться не мог. Или когда мышцы забивались так, что ни с места. Боль-то отключил, но толку никакого, потому как предел.

Моторику боевых навыков восстановил довольно быстро. Тут его мозг работал четко, словно он и не человек, а робот какой-то. Несколько правильных и выверенных повторений. Затем повторы на скорости. Все. Навык закреплён. Можно переходить к следующему.

Растяжка также не вызвала особых сложностей. В этом деле два главных момента. Первый – это боль, которую он мог отключать хоть полностью. И второй – не переусердствовать, а то даже надрыв связок и сухожилий ни к чему хорошему не приведет. Впрочем, он мог и порвать все к чертям

собачьим, а потому боль полностью не отключал. Чтобы получить должный эффект, приходилось делать по несколько подходов за день.

Опять же ему ведь не гимнастикой заниматься и не скручивать тело, как человек-змея. Главное, обеспечить достаточную гибкость для использования боевых навыков. А подобного результата за неделю добиться вполне возможно. Разумеется, при должном усердии. А уж он-то постарается.

Вообще, конечно, картина впечатляющая. Голый мужик с окладистой бородой и в набедренной повязке, обитающий на неприметной полянке у речки. Странная такая робинзонада. Но тут свидетелей нет, а на Щербакова с помощниками ему было как-то наплевать. Выходить к цивилизации неспособным за себя постоять увальнем – глупость несусветная.

И еще большая глупость не предпринять срочные меры к записи на «жесткий диск» тех знаний, что пока были свежи в его голове. Поэтому основное время он уделял письму. Испысывал глиняную табличку, затирал и писал вновь, накрепко вгоняя знания в подкорку.

Неделя выдалась плодотворной. А главное, хорошо, что не случилось дождей. Так-то укрыться есть где – уже на следующий день своего пребывания на полянке Михаил озабочился шалашом, но он даст защиту только от влаги, а от холода не спасет. Так что повезло с погодой, что тут еще сказать.

За прошедшее время Романов успел законспектировать

все то, что изучил перед отправкой сюда. Хорошо хоть не старался объять необъятное, сосредоточившись на нескольких моментах, которые возможно воплотить при имеющихся технологиях. Правда, с практикой так себе. Никак, в общем-то. Но тут уж как всегда, методом проб и ошибок. Тем более что было от чего отталкиваться.

Не забыл о золоте, меди и серебре. Вообще-то бесполезная информация. Из того, что он нарыл, ближайшие перспективные месторождения находятся на Южном Урале и Алтае. Не ближний свет. И уж тем более для нынешней Руси. Есть еще немного в Карелии, но эти земли сегодня Руси также неподвластны. Он правильно сделал в свое время ставку на то, чтобы золото и серебро сами шли в руки из Европы и Азии за производимые товары.

Но на всякий случай координаты месторождений в памяти зафиксировал. Едва ли не первым делом проговорил их вслух, когда сумел более или менее адекватно мыслить. Чтобы уж точно не потерялись.

А потом уж, когда обзавелся глиняной табличкой, начал с секстанта, фиксируя в подкорке устройство и принцип работы. Этот прибор в принципе лишним не будет. Впрочем, на случай если бы память его подвела, есть астролябия, которую используют в эти времена. И Романов досконально знает, как ее изготовить.

Глава 3

Кровники и трофеи

Отдаленные крики доносились слева. Именно там должен находиться тракт, на котором неделю назад ограбили Михаила. Вернее, Лешека. Не важно. Главное, что там сейчас опять кого-то грабят. Звуки схватки ни с чем не спутаешь. Маловероятно, однако возможно, что на лесной дороге сошлись два военных отряда.

В принципе разница невелика. В любом случае кого-то из дерущихся можно назначить на роль злодеев и в суматохе оприходовать одного из них. Отчего выбирать злодеев? Ну, не хотелось бы быть беспринципным грабителем с большой дороги. Даже когда грабил купцов в Малой Азии, Романов делал это не просто так, а отстаивая интересы Византии. В некоторой мере.

Конечно, можно дождаться, когда все закончится, и обратить какой-нибудь труп. Ему ведь сейчас по большому счету нужна только одежда. И на размер откровенно плевать. Однако есть вариант, что купец – а это с большей долей вероятности напали на караван – все же отобьется. В этом случае разбойнички ретируются, а слуги оставят после себя обогранные до нитки трупы. Даже если те будут в обносках. Тут вообще редко что-либо выбрасывают.

Опять же если удастся выхватить какого злодея, то кроме одежды получится разжиться еще и оружием. Скорее всего сомнительного качества, но это однозначно лучше палицы с камнем на конце. От пращи он избавится, только если обзаведется луком, пусть и плохоньким.

Думая об этом, Михаил двигался в ту сторону, откуда доносились звуки схватки. Вот кто-то закричал особенно громко. Никаких сомнений, что это мольба о пощаде. Крик оборвался на высокой ноте. И Михаил пришел к выводу, что это приговорили одного из слуг. Вообще-то не факт. Мало ли какой народец подался на большую дорогу. Совсем необязательно среди них сплошь отчаянные сорвиголовы. Так что, может статься, и разбойничка приласкали.

Наконец в просветах деревьев показалась дорога, на которой сошлись противники. Шесть повозок. Трупы четверых бездеспешных. Мужики, однозначно. Нападавших человек десять. Хм. Если это разбойники, то как должны выглядеть дружинники. Все обряжены в кольчуги и шлемы. В руках щиты и мечи. Двое из наседаящих на обороняющуюся шестерку воев – с короткими копьями в руках. И орудуют довольно ловко.

Вывод: скорее всего наемники, которым не заплатили, или они поиздержались в промежутках между наймами. Еще вариант: владыка решил таким немудреным способом поправить свое финансовое положение. Явление довольно распространенное. Да что там, если даже купцы порой не гну-

шаются нападать на встречные ладьи или караваны.

А вот зажали наверняка купца и его охрану. Ну или ближних. Конец уже близко. О как! И даже ближе, чем подумал Романов. За миг до того, как один из обороняющихся схватился за грудь, куда прилетела стрела, Михаил услышал характерное треньканье тетивы. А значит, нападавших страховал лучник. Да вон он. Шагах в семидесяти от него.

Его-то и нужно прибирать к рукам, пока остальные дерутся. Пропажи хватятся не сразу. Он ведь не пускает стрелы одну за другой, а, стоя на колене, выжидает удобный момент, чтобы не угодить в своих же.

Михаил начал красться, сближаясь с намеченной целью. Спешить не спешит, но и движется не так чтобы медленно. Пока суд да дело, нападающие успели прибрать еще одного обороняющегося. Теперь их четверо, в полном окружении. Еще немного, и доберут всех. А там и поздно будет.

А может, ну его, такой риск? Дождаться, пока нападающие уберутся восвояси. Одежду с убитых возниц разбойники снимать не станут в любом случае. Да и на вещички убитых воев не позарятся. Броню, оружие, кошель, конечно, заберут, но остальное так бросят, к гадалке не ходить.

Мысль дельная. Только, возникнув в голове, она не заставила Романова даже сбиться с шага. Ну мелькнула и мелькнула. Глупо пренебрегать возможностью заполучить кроме одежды еще и полный комплект вооружения. Да, рискованно. Но вполне оправданно.

Лучник уж больно увлекся схваткой, выискивая брешь среди своих товарищей, чтобы пустить очередную стрелу. Да и Михаил умел красться, благо за прошедшее время в полной мере овладел новым телом. Ну и отработал охотничьи навыки, добыв еще одного глухаря и пару зайцев.

Метнуть бы палицу да выключить противника с расстояния. Но тот был в шлеме, так что только шум поднял бы. А так отложил оружие в сторонку, сделал еще два стремительных шага, ухватил за подбородок и затылок да резко дернул, с легким хрустом сворачивая шею, как куренку.

Парень тут же обмяк, опадая безвольной куклой. Романов подхватил его и одним махом забросил на плечо. Подобрал лук и поднялся. Тяжеловато. Но крестьянская спина еще и не такую ношу потянет. А теперь ноги, пока не заметили!

Он бежал настолько быстро, насколько только возможно. Первую остановку сделал метров через пятьсот, шумно переводя дыхание и стараясь расслышать звуки возможной погони. Вроде тихо. Ну или он ничего не слышит.

И снова бегом! На пределе сил. Выкладываясь целиком и полностью, до изнеможения. Ну-у не сказать, что он так-то уж превозмогает. Благо умеет контролировать тактильные ощущения. Не убирает полностью, чтобы сохранить координацию движений, но притупил до терпимого состояния. Хотя глупо, конечно. Болезненные и неприятные ощущения он купировать может, а вот увеличить физические возможности организма – уже нет. И случись погоня, драться придется

сильно уставшим.

Но как бы то ни было, оно того стоило. Отдалившись от места схватки километра на три, он наконец сбросил свою ношу и решил перевести дух. Заодно пора разобраться с трофеями и дальше двигаться налегке.

Ну что сказать. Росточек подкачал – убитый оказался чуть выше и шире в плечах. Впрочем, большое – не маленькое. Можно подогнать, подвернуть да утянуть. С этим разберется. Итак, полный комплект доспехов. Кольчуга, конечно, только на безрыбье, но от рубящих ударов, да от охотничьей стрелы как-то сбережет. Хотя против привычного ему ламелляра, конечно, не пляшет. И то, что большинство воинов сегодня носят именно кольчугу, успокаивает мало.

Шлем так себе. Обычная железная полусфера, с полумаской и кольчужной бармицей, прикрывающей шею сзади и с боков. Кожаные завязки под подбородок. Вообще-то ремешок шириной в пару сантиметров куда лучше. Проверено. Ну да не стоит всех мерить по снаряжению своей дружины. К слову, не редкость экземпляры вообще без завязок. И будь этот таким, то Михаил лишился бы шлема.

Меч из плохонькой стали, прямой, клиновидный с закругленным острием. Оружие рубящее, о чем свидетельствует и баланс. Не сказать, что Романов с ним не управится. Но изогнутая форма с утолщением трети к острию его устроила бы куда больше. Именно такие получали все большее распространение на Руси. Кстати, с его легкой руки. Поначалу та-

кими он вооружал свою дружину и ополчение, потом, уже с Мономахом, – надельное войско.

А вот лук отличный. Составной, явно работа кочевников. И сомнительно, чтобы был покупным. Не делают кочевники луки на продажу. Каждый из них – штучная и кропотливая работа. Так что трофей. Снял наручи и, пристроив на себе, натянул тетиву. Хорош! Однозначно хорош! Ничуть не уступит тому, которым прежде пользовался сам Михаил. В саадаке десяток бронебойных стрел и шесть охотничьих. В отдельном кармашке два десятка разных наконечников.

Был еще и щит. Но он остался лежать там, у тракта. Не мог Романов подхватить еще и его. Лишнее, и весь сказ. Не хватало еще из-за такой малости рисковать потерять все остальное.

На поясе нож, что скорее средство обихода, а не оружие. Хотя случись надобность, можно и медведя завалить. Берестяная фляга для воды. Кошель с пятью серебряными монетами разного достоинства да шестью обрезками, две половинки и четыре четвертинки. Богатством не блещет. Тем более если учесть отсутствие колец, браслетов и гривны на шее. Трудные времена выдались у парня. А может, и у всего их отряда.

В другом кошеле трут, кремь и кресало. А вот это дело! А то Романов вынужден с собой носить ранец, сплетенный, как и набедренная повязка с лаптями, из лыка. Из него же изготовил пояс, на котором пристроил подсумок для камней

под пращу. Благодаря этим поделкам получилось унести с собой все свое нехитрое имущество. А главное, заготовленные впрок продукты и палки с луком для получения огня. Та еще морока. Вот уж чего он не собирался делать, так это терпеть лишения.

С трупа он снял все. Вплоть до исподнего, оставив только серебряный нательный крестик. Может, кто другой и позарится, но точно не он. Хоронить он его не собирался. Обрядиться по-быстрому и убираться отсюда, пока ветер без камней. Опытным воям выследить беглеца по следам не составит труда. Конечно, если они станут этим заниматься, имея на руках столь богатую добычу.

Переодевшись, надел свои же лапти, сапоги определил в лыковый ранец. Оказались не по размеру. А это дело такое, что ноги можно стереть вусмерть. И никакие портянки не помогут. Плавал уж, знает.

Имея представление, куда ведет тракт, двигался примерно параллельно ему. Однако выходить на него не спешил. Продуктов хватит минимум на двое суток. Вот нечего ему делать в Тарнуве. Еще узнает кто. А ему это не нужно. Отдалится на приличное расстояние и тогда уж выберется на проезжий путь, поймает попутку, в смысле какой-нибудь караван. Вообще-то в одиночку быстрее получится, но в компании безопасней.

Если прежде и присутствовали сомнения по поводу возвращения в свой мир после гибели здесь, то сейчас они ис-

чезли окончательно. Смерти он не боялся. Неприятно, конечно. До сих пор ярко помнит ощущения беспомощности, когда из него вытекала жизнь. Причем дело тут даже не в абсолютной памяти. Однако для него смерти как таковой нет. Она всего лишь начало новой жизни.

Только есть один нюанс. Время. Если он желает добиться намеченной цели, то времени терять нельзя. Подумать только, он отсутствовал тринадцать дней, а здесь уже минул тридцать один год. И что тут произошло за это время, пока решительно непонятно.

Подумал было заложить волчью петлю и устроить баню возможным преследователям, но отказался от этой затеи. Лишнее. Мало ли как эти ребята обидятся. Был у него когда-то наставник из варягов, Сьорен. Так этот точно наплевал бы на добычу. В смысле, припрятал бы, конечно. Но непременно отправился бы на поиски друга, а там и за его убийцей.

Причем, скорее всего, не в одиночку. Ярл Ларс Аструп непременно отправил бы с ним помощников, дабы посчитаться за гибель воина из его дружины. Ведь одно дело, когда в бою. Тут же ясно, что напали бесчестно, со спины, и однозначно кто-то не имеющий отношения к разграбляемому каравану.

Поэтому шел Михаил довольно споро, не забывая при этом путать следы. Время от времени то в ручей войдет, то по камням проскачет. Случилось и по реке подняться вверх

по течению на пару километров. Хорошо хоть дно песчаное. Будь илистое, так намучился бы.

Это продолжалось до самой ночи. Сколько успел отмахать при этом километров, он понятия не имел. Много. Правда, при выписываемых зигзагах и петлях от места схватки отдалился не так чтобы и далеко. Но если за ним все же есть погоня, то уж они-то потеряют куда больше времени, распутывая его следы.

На следующий день Романов двинул прямиком по лесу, оставляя Тарнув по левую руку. Вообще-то посетить город не помешало бы. Вот уж где его след оборвался бы. Но в этом случае можно получить неприятности с другой стороны. Реципиент ведь, по сути, беглый. Поэтому эту возможность он отмел, продолжив двигаться в примерном направлении. Ну и время от времени путал следы. Для него это задержка незначительная. Для потенциальных преследователей – уже куда серьезней.

На следующий день Михаил вышел-таки на тракт, выяснив у встречных крестьян, что до городка порядка двадцати километров. Вот и ладушки. Дальше двинулся уже прямо по дороге. Идти было значительно легче. Настолько, что, судя по физическому состоянию, мог преодолеть за день не меньше сорока километров.

Так оно и вышло. Уже на закате дошел до постоянного двора, огороженного высоким бревенчатым забором. Зажиточное хозяйство. Без труда вместит парочку больших купече-

ских караванов – один, кстати, как раз располагается на ночлег. Длинный двухэтажный дом, обширная конюшня, сеновал, кузница.

Место ему нашлось на сеновале. Можно было и комнату, конечно. Но это при наличии звонкой монеты, с чем у Михаила имелись определенные трудности. С другой стороны, это куда лучше, чем ночевать одному в лесу. Пока стоило опасаться только хищников, все было нормально. Но после встречи с разбойниками спал он вполглаза, если не в четверть. Какой уж тут отдых.

Здесь же можно было расслабиться. Относительно, но все же. Во всяком случае, имелась надежда, что преследователи, если таковые есть, не станут марать себя убийством на постоялом дворе, где полно свидетелей. Убийство, оно и в Средневековье убийство, и спуску за преступление не будет. А еще тут есть возможность устроить какую-никакую сигнализацию.

Ночь прошла спокойно. Не сказать, что он голодал все эти дни, но отсутствие соли ощущалось. Он сдабривал еду золой. Так себе мера. А тут появилась возможность за мелкую серебрушку получить полноценный завтрак – большую миску каши с мясом, кус хлеба и крынку сбитня. И чтобы он от такого отказался? Да никогда!

– Малец, поди сюда, – позвал он мальчишку, прислуживавшего при постоялом дворе.

– Слушаю, господин.

– Держи пару монет. Принеси мне в дорогу соли, копченого мяса, сала, сыра и хлеба. Да уложи все в дорожный мешок попрigoжей. А это тебе за старание, – сунул он ему четвертинку монеты.

– Не сомневайся, господин. Все сделаю как надо, – заверил обрадованный мальчишка и убежал выполнять поручение.

Н-да. Всего лишь одно посещение постоялого двора, а уже изрядно поиздержался. Продать кольчугу, что ли? Все одно он ее и за броню-то не считает. Весит столько же, сколько и его прежний доспех, а толку от нее в разы меньше. Споко-ойно. Да, защита не очень. Но лучше уж такая, чем вообще никакой.

Завтракая, устроившись под камышовым навесом, Михаил наблюдал за суетой во дворе. Он малость припозднился. Возницы уже крутились у своих повозок, проверяя состояние колес, подмазывая дегтем там, где это было необходимо. У одной из них мужичок сноровисто работал топором, строя какую-то жердь.

От кузницы доносится перестук молотков. Там уже стоит одна лошадь, и еще двух ведут. Проблемы с подковами нужно решать при малейшем поводе, иначе рискуешь заполучить расковавшуюся лошадь. А это уже никуда не годится. Собьет копыта и когда еще восстановится.

Не успел доесть, как появился мальчишка. К поручению он отнесся со всей ответственностью. Вот что серебро живо-

творящее делает! Не за спасибо старался, а плату отработывал.

Мешок оказался простой торбой с привязанной к углам пеньковой веревкой. Обычное дело. Не новый, но без дыр и все еще крепкий. Продукты отмеряны щедрой рукой. Как бы шельмец еще и не прибавил лишка, отработывая вознаграждение. Хлеб еще теплый, завернутый в чистую тряпицу.

Кстати, так называемый кирпич. Значит, хозяин использует чугунные формы из Пограничного. Михаил и не думал в свое время делиться секретом варки и литья чугуна. Если только при потомках все не изменилось. Эдак ведь не только утварь можно отливать, но и детали пушек.

Романов как раз закончил ревизию продуктов и поблагодарил мальчика, когда в ворота постоянного двора вошли двое воинов. Шлемы болтаются на поясах, головы покрыты суконными мурmolками, без оторочки. На спинах закреплены круглые щиты. На поясах помимо мечей еще и по топорыку. В руках короткие копья.

Михаил не мог не обратить на них внимания, хотя и старался не подавать виду. Он узнал их еще до того, как они выдали себя тем, что заметили знакомый шлем, лежавший на столе перед Романовым. Не наблюдай он за ними, может, ничего не заметил бы. Но он и не собирался выпускать их из виду.

Память у него абсолютная. Ему совсем необязательно видеть лица. Тем более что они во время драки были прикрыты

полумасками и бармицами. Но общее обличье, особенности их доспехов, успевшие проявиться характерные повадки – все это отпечаталось в его мозгу раз и навсегда.

Получается, его все же преследовали. Изрядно отстали, распутывая его зигзаги и скачки, но продолжали упорно идти по следу.

Можно, конечно, обвинить их в нападении на купеческий караван, но это будет его слово против их. Потянут на суд к местному князю. Там вполне может выясниться, что Романов не кто иной, как беглый холоп Лешек. Да еще и покусившийся на хозяйское добро. Вот не стоит думать, что при отсутствии средств коммуникации тут все так плохо с распространением информации.

Но и им поднимать шум не с руки. И причина та же самая. Не нужны им разбирательства. Опять же купцы, они разные бывают. А ну как на всякий случай прихлопнут всю троицу, а потом представят ту версию, какая им больше всего понравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.